

Музей истории донского казачества

Кубанский государственный университет

**АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И
ВАРВАРСКИЙ МИР**

(Тезисы докладов IV археологического семинара)

Новочеркасск 1994

СОДЕРЖАНИЕ

А. П. Медведев. О степени достоверности, геродотовых описаний древних городов (Гелон и Вавилон).....	4
Г.Н. Курочкин, А.В. Субботин. Скифы на юге Сибири: феномен тагарской культуры.....	5
Э. В. Яковенко. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов IV—III вв. до н. э.....	10
Ю. Г. Кокорина. Хронологические изменения в декоре скифского оружия (опыт статистического анализа).....	11
Г. Н. Вольная. Античные мотивы в прикладном искусстве Причерноморья.....	12
МБ. Щукин. От Индии до Ламанш. О фаларах греко-бактрийского типа, сарматах, кимврах и политике Митридата Евпатора	14
Б. Ф. Железчиков. Савроматы исторические и археологические.....	15
И. В. Яценко. О строительстве греческого периода на городище Чайка и некоторые вопросы взаимоотношений Херсонеса и скифского царства (по находкам клейменной черепицы).....	17
С. А. Яценко. Контактные зоны аланов I—IV вв. н. э.: Боспор и Закавказье	19
Н. Е. Берлизов. Основные этапы хронологии и истории сарматской культуры Поволжья — Приуралья.....	22
Б. А. Раев. Аланы и Рим: археологические реалии в историческом контексте.....	24
А. А. Туаллагов. К вопросу о сарматском происхождении царской династии Боспора.....	25
Н. Г. Новиченкова. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло.....	27
Е. С. Нефедова. Пластина из комплекса у села Бубуечь	28
В. И. Мордвинцева. Импорты в сарматских погребениях (из фондов ВОКМ)	29
А. С. Скрипкин. О начале и некоторых особенностях функционирования северного ответвления Великого шелкового пути.....	32
Е. А. Беглова. Механизм сложения комплекса круговой керамики у меотозоев.....	33
С. Л. Дударев. К вопросу о раннем этапе освоения железа на Западном Кавказе.....	35
В. Н. Порох К изучению кузнечного дела у сарматов.....	37
А. Л. Бойко Танаидская комиссия СКОАИЭ	39
И. В. Волков. Турецкие курительные трубки из Анапы и трактат Шарля Пейсонеля «О торговле на Черном море».....	40
В. Б. Виноградов. Среднее Прикубанье: встреча и взаимодействие экологических и историко-культурных факторов.....	42
E. Nylén. Contacts between the Baltic region and the Black Sea during the Latest Bronze Age and the Early Iron Age.....	45
T. Tomašević-Buck. Die Alamannen am Rheinknie.....	50

Отв. редактор Б.А.Раев, канд. ист. наук

А. П. Медведев

**О СТЕПЕНИ ДОСТОВЕРНОСТИ ГЕРОДОТОВЫХ
ОПИСАНИЙ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ
(Гелон и Вавилон)**

В рассказе Геродота о стране будинов содержится описание единственного в Скифии города – Гелона (IV, 108). Исследователи давно обратили внимание на исключительно большие его размеры. По Геродоту длина деревянной стены этого города с каждой стороны составляет 30 стадиев (чуть больше 6 км). До сих пор это сообщение являлось ключевым в поисках учеными археологического эквивалента геродотова Гелона – городища или комплекса городищ с укреплениями, размеры которых совпадали бы с указанными Геродотом (В. Щербакинский, М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, И. В. Фабрициус, П. Д. Либеров, Б. А. Шрамко, Б. А. Рыбаков). Однако, насколько известно, никто не задался целью проанализировать степень достоверности этого свидетельства в контексте геродотовых описаний других древних городов, лучше известных «отцу истории» и его современникам, нежели далекий Гелон. Оно является органической частью его труда и поэтому в той или иной мере должно подчиняться закономерностям, общим для всей «Истории».

Анализ всей совокупности прямых и косвенных сведений о размерах городов, приводимых в «Истории», убеждает, что ни в одном случае не удастся найти сколь-нибудь близкого соответствия между их количественными характеристиками у Геродота и независимыми данными других источников, в первую очередь археологии. В этом отношении весьма показательным является описание «отцом истории» самого знаменитого и могущественного города Азии – Вавилона (I, 178). Но если мы обратим внимание на сообщение историка об окружности четырех стен великого города в 480 стадий (85,2 км) и сравним его с длиной укреплений VI – V вв. до н. э., в клинописных текстах (у Набонида периметр городских

стен составлял 14400 локтей, т. е. 7,2 км) и по данным археологии (по Р. Кальдевею – 8,15 км), то убедимся, что Геродот не менее чем в 10 раз преувеличил реальные размеры Вавилона.

С современной точки зрения эта грубая ошибка кажется удивительной, ибо достоверно известно, что Геродот, в отличие от труднодоступного для греков Гелона, не только посетил Вавилон, но и даже какое-то время в нем проживал. На это указывают многочисленные свидетельства его автопсии. Но не следует забывать, что Геродот был сыном своего времени, носителем иного «донаучного» мировоззрения, иного отношения к историческим памятникам и цифровому материалу. Последнее убедительно доказала М. В. Скржинская. Разумеется, в Вавилоне, как и в других городах, сам путешественник каких-либо обмеров не производил, а брал на веру сообщения своих информаторов, часто искаженные, особенно при их переводе на греческий язык. Все это, на мой взгляд, свидетельствует, что данные Геродота о длине стен Гелона вряд ли могут быть использованы как надежный поисковый признак при его идентификации с тем или иным археологическим памятником.

Г.Н.Курочкин, А. В. Субботин

СКИФЫ НА ЮГЕ СИБИРИ: ФЕНОМЕН ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники «минусинской курганной» или тагарской АК стали впервые известны с 1-й четв. XVIII в. (раскопки Д. Г. Мессершмидта), а систематически изучаются уже сто лет, начиная с работ А. В. Адрианова. Уже в 1897 г. Н. М. Ядринцев, пытаясь объяснить поразительное сходство южно-сибирских древностей скифского облика с восточноевропейскими, высказал предположение о сибирских корнях скифской культуры. Архаизм произведений минусинского звериного стиля по отношению к искусству причерноморских скифов отметил и Э. Миннз (1913). С. В. Киселев первоначально датировал 1-й этап выделенной им тагарской АК X – VII вв. до н. э. (1929). В дальнейшем, получила распространение точка зрения о периферийном характере тагарской культуры. Основная «заслуга» в утверждении этой ошибочной теории принадлежит Н. Л. Членовой (1967); работы многих других тагароведов при большой их научной ценнос-

ти и добросовестности концептуально вторичны. Монография Н. Л. Членовой на 4/5 построена на случайных находках (Кызласов, 1979). При датировании памятников скифского времени на юге Сибири Н. Л. Членова механически привязывала их к памятникам европейских скифов. Многие специалисты в настоящее время сходятся в том, что знаменитая «триада» (звериный стиль, оружие, конский убор), а также некоторые другие этнографические элементы раннескифской культуры являются в Восточной Европе принципиальной инновацией. Ряд исследователей полагает, что определенную роль в формировании скифской культуры сыграл хорошо прослеживающийся археологически центральноазиатский импульс, в то же время никаких воздействий со стороны Древнего Востока или Европы на Центральную Азию и Южную Сибирь в предскифское и раннескифское время не прослеживается. Таким образом, следуя предложенной Н. Л. Членовой методике датирования татарских памятников, мы рискуем синхронизировать, исходные, протоскифские памятники в азиатской степной зоне и производные, дочерние комплексы, искусственно тем самым замораживая первые из них. Сейчас появились новые возможности для точной датировки южно-сибирских и центрально-азиатских комплексов скифского облика.

За последние четверть века кардинально расширился круг вещественных источников, имеющих отношение к тагарской АК, изучены скопления татарских памятников на территории Означенской, Новоселовской, Комсомольско-Есинской, Знаменской и др. оросительных систем, в Назаровской котловине — зона КАТЭК'a; появилась большая серия целиком раскопанных могильников, открыта группа курганов знати, проанализированы отдельные категории находок. Изменился и тот общескифский фон, на котором следует рассматривать тагарскую АК. Стало очевидным, что новый обширный фактический материал не укладывается в «прокрустово ложе» устаревшей схемы происхождения и развития тагарской АК. Назрела необходимость построения новой концепции тагарской культуры.

Задачей ближайшего будущего является разработка детальной периодизации тагарской АК. Наиболее дробное, но недостаточно обоснованное хронологическое членение татарских древностей предложено археологами «грязновской школы»: ими выделены баиновский, черновский, подгорновский,

биджинский, сарагашенский, лепешкинский, тесинский этапы. Археологипрактики в настоящее время придерживаются грязновской схемы в самом общем виде. Ведется дискуссия о том, что собой представляет банковская группа памятников. Большинство специалистов проигнорировало выделение черновского и биджинского этапов. В понятия сарагашенского и лепешкинского этапов вкладывается несколько иное содержание, чем предлагал М. П. Грязное. Реальная схема, которой пользуются многие исследователи, выглядит следующим образом:

1. Ранний тагар или подгорновский этап.
2. Средний тагар или сарагашенский этап.
3. Поздний тагар или лепешкинский этап.

Разработка эффективно работающей дробной периодизации возможна на качественно иной основе, а именно путем сопоставления стратиграфических колонок нескольких десятков полностью исследованных могильников.

Открытие Аржана, где найдена серия раннетагарских вещей, позволило поставить вопрос о заглаблении начальной даты тагарской АК до VIII в. до н. э. (Грязнов, 1982; Курочкин, 1991). В настоящее время ранняя стадия тагарской культуры может быть датирована временем не позднее VIII–VII вв. до н. э. по трем линиям синхронизации:

1) Привязка к «тандему» эталонных памятников Аржан-Высокая могила – конец IX – VIII вв. до н. э.

2) Привязка к среднеазиатской и древневосточной хронологии благодаря находке в Имирлере (Турция), в погребении эпохи переднеазиатских скифских походов биметаллического чекана с головкой ищной птицы, близкая аналогия которому имеется в погр. 84 Уйгарака. По стрелам погр. 84 Уйгарака и могила в Имирлере датируются концом VIII – первой пол. VII вв. до н. э., однако, чеканы, обнаруженные в этих памятниках, генетически восходят к району Саян и Присяня, где их прототипы должны датироваться временем ранее рубежа VIII – VII вв. до н. э. (Курочкин, Субботин, 1993).

3) Привязка к кочевническим комплексам эпохи Западного Чжоу в Сев. Китае, датированным IX – VIII вв. до н.э. и содержащим вещи раннетагарского облика (Курочкин, 1993). В 770 г. до н. э. столица Зап. Чжоу была перенесена из-за давления северных «варваров»; эта дата хорошо согласуется с формированием прото-скифского союза племен по материалам Аржана (Савинов, 1992).

Для датировки среднего, сарагашенского этапа тагарской АК важное значение имеют открытые недавно курганы тагарской знати, содержащие серии точных аналогий в хорошо датированных памятниках. Алтай и Казахстана VI – IV вв. до н. э.

Памятники тесинского этапа в настоящее время не относят к тагарской культуре, но они обеспечивают *terminus ante quem* для верхней границы тагара – II в. до н. э. Сейчас ряд тесинских вещей выявлен как в сарматских памятниках II – I вв. до н.э. (Скрипкин, 1993), так и в могильниках Бишкентской долины в Таджикистане того же времени (Мандельштам, 1966).

Заглубление начальной даты тагарской культуры позволяет сделать вывод о том, что Южная Сибирь могла входить в большой ареал формирования скифо-сакских культурных традиций. Судя по всему, татарские племена («южно-сибирские скифы», о которых В. П. Алексеев написал, что «между причерноморскими скифами и тагарцами морфологическое сходство почти абсолютное») не позднее VIII в. до н. э. отделились от прото-скифского ядра (которое предположительно может быть локализовано в Монголии, в ареале «оленных камней») и на протяжении длительного времени развивались в условиях самоизоляции.

Широко вошедший в литературу тезис о том, что татарское искусство восходит к карасукскому на той же территории, неверен. В Южной Сибири татарское искусство является ярким нововведением, генезис которого связан с ареалом «оленных камней» – единственной известной сейчас территорией, где исходное ядро прото-скифского звериного стиля формировалось на протяжении нескольких столетий еще до VIII в. до н. э., как об этом свидетельствуют характерные параллели в Сев. Китае эпохи Инь и Зап. Чжоу.

Раскопки гробниц знати показали, что татарское общество возглавлялось, в отличие от европейских скифов, не военными вождями, а жреческим сословием (Курочкин, 1989). Это было теократическое, сильно идеологизированное общество, что наложило свой отпечаток на многие сферы материальной культуры, но особенно сказалось на погребальном обряде. Приблизительно с VI в. до н. э. погребальные сооружения тагарцев превращаются в подземные «жилища умерших предков». Это глубокая, в человеческий рост яма со срубом, полом, мощным перекрытием, входом, архитектурно оформленным наземным сооружением из камня и дерна. Та-

кая монументальная постройка была рассчитана на функционирование в течение длительного времени. Число погребенных в сараташенских склепах доходит до нескольких сотен. В непо потревоженных могилах умершие уложены рядами или рассажены вдоль стен. Выявлены камеры для предварительного выставления трупов и камеры для перезахоронения разложившихся останков. Количество манипуляций с останками умерших, которые имеют целью консервацию и восстановление первоначального облика покойных, неуклонно возрастает, начиная с посмертной трепанации и мумификации и кончая изготовлением погребальных кукол-манекенов с глиняными или гипсовыми масками. Имеются признаки посещения татарских склепов в ритуальных целях. Археологические данные хорошо накладываются на сибирский фольклорно-этнографический материал, который изобилует многочисленными фактами о религиозной практике, связанной с посещением кургана шаманами. Из вещественных атрибутов в такого рода преданиях фигурируют боевые молоты (= чеканы), котлы, золото в пространстве могилы, что дает основание возводить формирование этой ритуалистики к скифской эпохе.

Крупнейшей проблемой является историческая идентификация тагарцев. О сакральном статусе Минусинской котловины в скифском мире писал недавно Д. А. Мачинский, предложив отождествлять древних обитателей Южной Сибири с легендарными гиперборейцами, жившими к северу от Рипейских гор (= Саяно-Алтай) (Мачинский, 1989). Однако, есть некоторые основания идентифицировать тагарцев с потомками Липоксая – авхатами, известными нам по «собственно скифской» генеалогической легенде (Геродот, IV, 5–7). Уже отмечалось, что скифские этногонические легенды имеют поразительные соответствия в Центральной Азии, например, в огузском эпосе; имя пра-родителя скифов – Таргитая долго сохранялось в тюркской и монгольской традиции. В XIX в. В. И. Анучиным у кетов – народа южносибирского происхождения (предполагаемых носителей субстратной по отношению к тагару карасукской АК) было записано предание о трех братьях, живших некогда вместе со своими народами в верховьях Енисея. Старший брат с подвластным ему народом ушел на запад, средний – на восток, а младший и его люди спустились по Енисею и стали остяками-кетами. По нашему мнению, основное ядро скифской легенды о межплеменном разделении скифов и разделе скифской земли

сформировалось еще в Центральной Азии. Плиний упоминает эвхатов и котиеров (= авхатов и катиаров геродотовской легенды) в отдаленных районах азиатской Скифии (где, вероятно, и находилось первоначальное место их проживания). «За Яксартом (=Сыр-Дарьей) живут скифские народы. Среди самых известных из них: саки, массагеты, даги (дахи?), аримаспы, а также эвхаты и котиеры» (Плин. VI, 50). У Валерия Флакка в поэме «АргонAUTИКА» сохранилась ценная информация, восходящая, видимо, к «Аримаспее» Аристея Проконнесского, о предводителе северных варваров («киммерийцев») Авхе. Авх имеет оригинальный головной убор на «священной» голове – повязку с 3-мя узлами, а также белые волосы, дарованные ему от рождения. Тагарцы носили именно налобную повязку с нашитыми на нее соляными бляшками. Что касается белого цвета волос, то заслуживает внимания сообщение китайского источника о том, что у населения Южной Сибири, ближайших потомков тагарцев, темные волосы считались несчастьем (Кюннер, 1961, с. 281–282).

Э. В. Яковенко

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШЕДЕВРОВ ТОРЕВТИКИ ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ IV—III ВВ. ДО Н. Э.

1. Шедевры античной торевтики – Чертомлкая ваза, Куль-Обский сосуд, Солохский гребень, Пектораль из Толстой Могилы и другие изделия из драгоценных металлов всегда привлекали внимание исследователей. Есть две точки зрения об их происхождении – местное причерноморское, и фракийское.

2. Многолетние исследования ряда специалистов, в частности А. И. Мелюковой, подтверждают концепцию местного, причерноморского производства этих уникальных произведений ювелирного искусства.

3. Существует ряд аргументов в пользу этой гипотезы. Так, обращает на себя внимание ареал распространения – либо (ближайшее окружение Пантикапея, либо сфера боспорской торговой деятельности. Кроме того, все они объединены единством стилистических особенностей.

4. Полагаю, что одним из важных аргументов в пользу боспорского производства шедевров греко-скифской торевти-

ки служит широкая популярность как на Боспоре, так и в скифской среде, образа женского божества – змееной богини плодородия. Этот сюжет известен как на изделиях торевтики, так и на боспорских деревянных саркофагах.

5. В этой связи интересна находка в Гаймановой Могиле остатков резного гребня из слоновой кости. На одном из фрагментов сохранилось изображение змееной богини на фоне растительного орнамента. Многочисленные параллели этому изображению мы находим на боспорских саркофагах и на многих изделиях торевтики,

6. Для нашего исследования интересна находка остатков деревянного саркофага с костяным декором в кургане Огуз, растительные композиции которого близки к декору боспорских саркофагов, Чертомлыцкой вазе и пекторали.

7. Все это позволяет говорить, что на Боспоре существовала художественная школа. Она работала в лучших традициях греческого искусства и отличалась глубоким проникновением в сущность идеологии и традиций скифского окружения в Северном Причерноморье.

Ю. Г. Кокорина

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ДЕКОРЕ СКИФСКОГО ОРУЖИЯ (опыт статистического анализа)

Говоря об изменениях в скифском искусстве, исследователи, как правило, имеют в виду стилистическую эволюцию. Меня интересует вопрос: были ли структурные изменения, что, в свою очередь, говорило бы об изменениях в представлениях скифов? Насколько сильны в этом отношении были инокультурные влияния?

Для исследования было взято 252 предмета вооружения VII – IV вв. до н. э. из территории Степной и Лесостепной Скифии и Кавказа за равные промежутки времени: VII – VI, к. VI – V, к. V – IV вв. до н. э. Основным критерием моей периодизации была равная длина периодов, что облегчает подсчет и определение закономерностей. Периодизация же скифского искусства вообще – тема отдельного разговора. Используются две формулы: частота встречаемости элемента декора и степень его популярности.

Подсчеты показали, что максимальную, частоту встречаемости имеют орнамент, изображения кошачьего хищника,

лани, оленя, лося и хищной птицы. Подобная традиция сохраняется во всех трех периодах. Приоритеты остаются те же. что говорит о стойкости связанных с ними представлений, стойкости структуры знаковой системы, в которую они включены. Здесь уместно обращение к интерпретации, предложенной Д. С. Раевским для подсчета изображений животных, сделанного А. И. Шкурко в работе по звериному стилю Лесостепной Скифии. Д. С. Раевский связал преобладающие величины в подсчете изображений со структурой мирового дерева, верх которого представляют птицы, средний мир – копытные животные, нижний мир – хтонические существа, в нашем случае — кошачий хищник. Как видно из подсчетов, наблюдение Д. С. Раевского подтверждается, по крайней мере, для декора оружия. Расчет степени популярности подтверждает полученные результаты.

В итоге мы видим, что на протяжении VII – IV вв. до н. э. представления о Вселенной, отраженные зооморфным кодом, сохраняются. Имевшие место влияния не изменили традиции выделения маркеров мирового дерева в его вертикальной проекции. Бесспорно, в 3 периоде, с ростом греческого влияния, в декоре скифского оружия появляются новые персонажи – гиппокамп, змеи; растет частота встречаемости львиноголового и птицеголового грифонов, антропоморфных изображений. Но главная традиция сохранялась.

Представление о вещи, как модели космоса, характерно для древних. Как видно из проделанного исследования, это можно сказать о целой категории вещей. Семантика каждого образа может быть исследована отдельно, семиотический статус вещи также может быть реконструирован для каждого предмета. Однако очевидно следующее:

1. Для скифов было характерно представление о вещи как о мировом дереве, что отразилось даже в декоре целой категории предметов;
2. Декор служит для маркировки структуры этого дерева;
3. Подобная традиция неизменна; инокультурные влияния носили часто (в большинстве своем) стилистический характер.

Г. Н. Вольная

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ПРИТЕРЕЧЬЯ

1. В археологической литературе неоднократно ставился вопрос о влиянии античного искусства северопричерномор-

ских городов-государств на скифо-савроматское искусство. Проникновение античной продукции последователи ограничивают Прикубаньем (А. А. Иессен, Е. О. Прушинская, Е. В. Переводчикова и др.). В этом регионе в VI в. до н. э. отмечается наличие крупного центра обработки металла, а также с V в. до н. э. заметны связи с Северным Причерноморьем, что оказало заметное влияние на местное (искусство (Семибратние курганы)). Однако античное искусство сосуществовало с местными формами параллельно и служило источником новых средств изображения, не оказывая формирующего влияния.

2. Изучение находок скифской эпохи Северного Кавказа показало, что проникновение античного импорта не ограничивается Прикубаньем. Материалы, обнаруженные на территории, примыкающей к бассейну р. Терек из Нартановских курганов, Лугового мог., Гойтинского, Ассиновского, Новосельского курганных мог., демонстрируют ряд предметов с печатью античного влияния. Среди них костяные гребни с изображением ланей и ноги копытного, бронзовые пластины с изображением орла и крыла птицы, выполненные из золотой фольги, навершие ножа на костяной основе в виде голов пантер и накладка на колчан в виде львицы, бронзовые зеркала: одно ольвийского типа, другое с рукоятью в виде двух зайцев.

3. По аналогиям эти предметы датируются V в. до н. э. Все они найдены в памятниках кочевнического облика. Техника изготовления (тиснение по золотой фольге, резьба по кости), использование образов, свойственных первоначально лишь античному искусству (рыба, львица), особая манера изображения, использующая знание анатомии, способ декорирования, (пальметки, лепестковый орнамент, ряды концентрических кругов) свидетельствуют о влиянии античного искусства на эти вещи скифо-сибирского звериного стиля с территории Притеречья. Наличие рассмотренных вещей на данной территории позволяет датировать памятники, из которых они происходят, временем не ранее V в. до н. э. и говорить о связях населения Прикубанья и Притеречья.

ОТ ИНДИИ ДО ЛАМАНША. О ФАЛАРАХ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ТИПА, САРМАТАХ, КИМВРАХ И ПОЛИТИКЕ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА

1. Выступление стимулировано появлением работ Т. Тэйлора, С.В. Долина и А. В. Симоненко, хотя и не посвящено их рецензированию.

2. Идея Т. Тэйлора о связях Европы с далекой Индией за счет проникновения отдельных групп мастеров-магов (своего рода цыган) не лишена остроумности и вероятности, хотя более объяснимы эти контакты, исходя из контекста политической ситуации II – I вв. до н. э. Контакты фиксируются распространением фаларов греко-бактрийского стиля, изученных в свое время К. В. Тревер и сейчас дополненных новыми находками.

3. Совпадение ряда стилистических деталей (точечный фон, бегущая волна, мотив лотоса и др) объединяет в единую, хотя и не гомогенную группу, такие находки как доньшко котла из Гундеструпа в Дании, клад фаларов с о. Сарк в Ламанше, в том числе с изображением слона, диск из Хельдена в Голландии и фалар из Старой Загоры, находки из Галиче в Болгарии, Шерце-Суркеа и Хэрастреу в Румынии, Янчокрак, Булаховку, Старобельск и др. на Украине, Твардицу в Молдавии, Клименковекий на Дону, Северский курган, Кореноск, Новоджерелиевская и др. на Северном Кавказе, Кривую Луку в Нижнем и Новоузенск в Среднем Поволжье, ряд находок из Западной Сибири – Няксимволь, Сидоровка, фалар с Дианой и фалары со слоном из коллекции Петра I, аналогичные фаларам из Равалапинди и с о. Сарк. К той же серии относятся и фалары Национальной библиотеки Парижа, происходящие из Малой Азии. Один из них с надписью Митридата Евпатора. Не лишены сходства с этой серией и бляхи из Ноин-Улы.

4. Самые ранние фалары (Алекеандрополь, Федулово) относятся еще к началу III в. до н. э., самые поздние (Обераден, Стара Загора, Воздвиженская, Сидоровка) происходят из комплексов рубежа нашей эры, но подавляющее большинство датируется в пределах II – I вв. до н. э., а следовательно соответствует ряду взаимосвязанных событий. Отделению Греко-Бактрийского царства от державы Селевкидов в 256–248 гг., нашествию парнов и образованию Парфии в 238–230 гг., крушению Греко-Бактрийского царства

под ударом юэджей в 135 г. до н. э., сдвинутых с места активностью хунну Модэ и его наследников, борьбе Селевкидов, Македонии и Ганнибала с Римом, нашествию кимвров и тевтонов в 113–101 гг., противостоянию Митридата с Римом, включению скифов, сарматов и бастарнов Причерноморья в систему державы Митридата.

5. Если верно предположение об участии в нашествии кимвров и тевтонов не столько непосредственных выходцев из Ютландии, сколько всего населения круга латенизированных культур, включая зарубинецкую и Поянешты-Лукашевку, то становятся понятными странные свидетельства Посидония о кельто-скифах, о кимврах, доходивших походами до Меотиды, объясняются замыслы Митридата о северном походе против Рима с использованием сил Причерноморских варваров, в частности ревоксиналов-роксолан, появившихся в Причерноморье, вероятно, в результате тех же событий, которые вызвали движение юэджей.

6. Приведенные данные достаточно хорошо согласуются с реконструкцией ситуации IV – I вв. до н. э., предлагаемой Д. А. Мачинским. Критика последнего С. В. Полиным и А. В. Симоненко представляется полезной, но не совсем конструктивной. Некоторые положения Д. А. Мачинского могут казаться недостаточно серьезными, но нет и серьезных оснований для их опровержения. Хиатус III в. до н. э. действительно имеет место, и он объясним как экологическими, так и политическими причинами, всегда неизбежно взаимосвязанными. Но иллюзия абсолютной пустоты возникает, скорее всего, из-за недостаточной разработанности сарматской хронологии. Если две катакомбы при одной входной яме оказываются разделенными столетним промежутком, это явный сигнал, что с хронологией у нас не все в порядке. Нужны новые более тщательные разработки шкал региональной относительной хронологии, их синхронизации друг с другом и проверка степени обоснованности абсолютных дат.

Б. Ф. Железчиков

САВРОМАТЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ

Савроматам, чуть менее чем скифам, посвящено большое количество известий древних авторов (Геродот, Псевдо-Гиппократ, Диодор Сицилийский и др.). Однако историческая

ценность данных сведений относительна. Мы знаем примерный район обитания, то, что савроматы похожи на скифов обликом, языком, бытом и хозяйством, отмечаются особенности общественного устройства. Самое главное, историкам и археологам до сих пор не удается локализовать савроматов на более или менее определенной территории.

Не менее сложным для идентификации является и археологический аспект савроматской проблемы. Многие исследователи (М. Й. Ростовцев, П. Рау, Б. Н. Граков, К. Ф. Смирнов, М. Г. Машкова, Д. А. Мачинский, В. П. Шилов, М. В. Очир-Горяева и др.) пытались решить вопросы расселения савроматов и отнесения к ним конкретных археологических памятников. К настоящему времени удалось [решить, что если и есть аргументы в пользу существовавшей савроматской археологической культуры, то речь может идти о территории, лежащей к западу от Волги.

Не берусь определенно назвать территорию, с которой могли мигрировать предки ранних кочевников в междуречье Волги-Урала-Ори, но самым реальным районом, с которым и в будущем они будут иметь самые тесные связи, в том числе и генетические, было Приаралье и Саракамышская впадина.

Появление в «готовом виде» почти всех степных культур раннего железного века следует относить к концу VII – нач. VI вв. до н. э. и не в коей мере не к рубежу VIII – VII вв. до н. э.

Процесс формирования культуры ранних кочевников Южного и Нижнего Поволжья представляется следующим образом. Первые памятники появляются в восточных районах Южного Приуралья, в VI в. до н. э., а затем к рубежу VI – V вв. до н. э. и далее к V в. до н. э. происходит их распространение к западу вплоть до левобережья Волги. Междуречье Волги–Дона в VI – нач. V вв. до н. э. представляет из себя район распространения культуры скифского облика. Учитывая данные письменных источников, подчеркивающих большую близость скифов и савроматов, может быть и стоит назвать носителей данных традиций термином «савроматы». Но тогда, эта культура не имеет ничего общего с культурой ранних кочевников Южного Приуралья. В настоящее время можно говорить о том, что термин, обозначающий савроматскую культуру, неудачен, и дискуссию о том, где жили исторические савроматы, а где была распространена их археологическая культура, считать беспочвенной. Савроматы жили там, где их отмечали греческие писатели, а

единая культура там, где ее всегда выделяли археологически. Может быть, ряд памятников междуречья Волги-Дона и носит следы воздействия обеих культур (скифской и савроматской в традиционном понимании). Данная территория являлась, как и любая другая, контактной, где взаимодействовал ряд культур: степная скифская, Волго-Уральская кочевническая и лесостепная среднедонская (Кривая Лука, Никольский, Аксеновский, Сазонкин Бугор).

В этом случае процесс формирования культур раннего железного века в междуречьях Волги и Дона и Волги и Ори мог быть не только исторически разноплановым, но и диахронным, т. е. почти одновременным для восточных районов Южного Приуралья и Нижнего Дона. А на территории междуречья, Урала-Волги, и может быть в глинистой полупустыне волжского правобережья, он проистекал на 100 – 150 лет позже.

И. В. Яценко

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГРЕЧЕСКОГО ПЕРИОДА НА ГОРОДИЩЕ ЧАЙКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ХЕРСОНЕСА И СКИФСКОГО ЦАРСТВА

(по находкам клейменной черепицы)

С 1959 по 1988 гг. на городище Чайка обнаружено 88 обломков клейменной синопокой черепицы: 42 фрагмента принадлежат астиномам I хронологической группы (Гистиею, Никомену, Филонику, Гефестию, Диофанту); 32 фрагмента относятся к переходной и к началу II групп (Хабрий, Исокрит, Омфалик, Гиритт, Аполлодор). Остальные группы представлены единичными экземплярами. Найдено 49 херсонесских черепиц с клеймами (28 – Притана Аристонова, 21 – Агатона Гнатонова).

Находка двух клейменных синопских черепиц I группы (с именами астиномов Филоника и Гефестия) в завале подвального помещения, предшествовавшего возведению крепости-склада или «эмпория», позволяет связать черепицу I группы с еще доэмпориальным строительством на Чайке, и датировать его между 365/360 – 350/345 гг. до н. э. Можно предполагать, что в этот период строительство на городище осуществлялось Гераклеей с участием Херсонеса. Разрушение

I строительного периода происходит через 8 – 10 лет после его основного завершения.

Активность греков на СЗ побережье Крыма и одновременное строительство на территории Неаполя скифского, где найдена синопская черепица с клеймами I группы, представляются взаимосвязанными явлениями, отражающими существование тесных политических и экономических связей между греками (Херсонес, Гераклея) и скифами. Можно предположить, что греки поставляли скифам черепицу и вели строительство на Неаполе скифском в счет дани за использование ими скифской земли. Данный период строительства Неаполя совпадает со временем деятельности царя Атея, который, по словам Страбона, объединил под своей властью все население Скифии. Это позволяет предположить, что акт строительства Неаполя мог быть одним из этапов в процессе объединения Скифии, и способствовал утверждению власти царя над Крымом. Сделанное предположение находит отклик в работах В. А. Кутайсова по изучению художественного стиля и, символики монет Керкинитиды, в которых автор пришел к выводу о возможности существования союзных отношений между царем Атеем, Керкинитидой и Херсонесом в 50 – 40 гг. IV в. до н. э.

Второй строительный период синхронизируется с деятельностью синопских астиномов от Исокрита до Омфалика. Это время строительства на городище Чайка «эмпория» или крепости-склада, происходившего в тридцатые годы IV в. до н. э. Данный период совпадает с интенсивным возведением херсонесских сельскохозяйственных поселений по всему побережью Северо-Западного Крыма. Значительные отличия чайкинского архитектурного комплекса от остальных херсонесских поселений, вероятно, могут быть объяснены вниманием к этому месту со стороны Гераклеи, построившей здесь свой опорный пункт в предшествующий период.

Херсонесская черепица с клеймами Агатона Гнатонова и Притана Аристонова связаны с III строительным периодом, когда происходит перестройка складских помещений на жилищно-хозяйственные комплексы. Ее время определяется клеймами на херсонесской черепице, которые датируются В. И. Кацем около 275 и 260 гг. до н.э. Однако в слоях разрушения в основном представлен более ранний материал, что вызывает некоторые сомнения в правильности датировок этих клейм. Причины перестройки комплекса пока не находят однозначного объяснения.

Последующие периоды греческого строительства на городище Чайка не были связаны с поступлениями, больших партий клейменной черепицы.

С. А. Яценко

КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ АЛАНОВ I – IV ВВ. Н. Э.: БОСПОР И ЗАКАВКАЗЬЕ

1. Взаимодействие аланов с Боспором, с одной стороны, и с Грузией/Арменией – с другой, демонстрирует, на мой взгляд **две разных модели** контактов этих кочевников с земледельческими государствами. В первом случае речь идет о непосредственном соседстве и близости с политическим центром Алании. В сочетании с постоянной зависимостью Боспора от Рима – неизменного противника аланов – это вело к нестабильности в военно-политическом отношении (вероятные конфликты в 111 – 114 гг., в 135 г. и 335 г., при относительном спокойствии во 2-й пол. II и в III вв. н. э.).

Во втором случае общей границы не было (до середины III в. н.э., когда в Центральное Предкавказье переселяется часть аланов), но Грузия и Армения находились на трассе регулярных аланских набегов на юг. Отношения были более стабильными: с ближайшим соседом – Грузией – всегда – дружественными, а с Арменией – обычно враждебными (кроме династических браков Арташеса с Сатиник/Сатаной и Трдата III с Ашхен, вынужденного союза после поражения 72 г. н. э.).

2. Как правило, аланские контингенты привлекались (соседями: а) грузинами – против армян (72 г. н. э.) и персов (начало IV в. н. э.), в том числе – для укрепления городских и пограничных гарнизонов (как римлянами – со времен Марка Аврелия); б) боспорцами – против «поздних скифов» (Лукиан). Сами аланы о помощи просили крайне редко (поход Смбата в Аланию в 20-х гг. II в. н. э. против узурпатора).

Со всеми тремя государствами у Алании во II – IV вв. существовали династийно-брачные связи, которые на практике означали переселение большого числа знатных аланов в дружественную страну вслед за царевной-невестой («Мученичество Воскянов»; Мовсес Хоренаци; вероятная женитьба «Левканора» /Рескупорида II между 68 и 72 гг. н. э. на царевне Мазайе по Лукиану). На Боспоре и в Грузии отмечены и родовые тамги аланской знати.

Вероятно, стабильно дружественные отношения Боспора с «поздними сарматами» в сер. II – нач. IV вв. создали возможность для оседания в городах части бывших кочевников. Уже к началу III в. н. э. боспоряне представляли собой этнос «греко-сарматов» (Ипполит Портский. Книга происхождения, 34). Показательно положение в Танаисе новых восточных мигрантов-танаитов (Д. Б. Шелов, 1972, с. 264–267): «архонтов танаитов» – несколько, их всегда называют впереди эллинарха, танаиты и эллины составляют независимые воинские подразделения и т. п. Уникальны иранские (аланские) имена-прозвища новых пришельцев, быстро освоивших непривычные занятия: «Кормчий корабля», «Строитель», «Имеющий 8 ослов» (торговец) и др. (В. И. Абаев, 1979).

3. Привыкшая к роскоши аланская аристократия нуждалась в интенсивной торговле с античными центрами. В отличие от своих предшественников – донских аорсов (Страбон), аланы, видимо, допускали иноземных купцов до верховьев Дона (карта Птолемея). Главными торговыми центрами уже на рубеже н. э. были Пантикапей, Танаис и Диоскуриада (Страбон). В ряде случаев пограничная торговля имела форму обмена дарами (Юлий Капитолин. Два Максимиана, I). Следует отметить поступление янтаря из Прибалтики в Бактрию через Сарматия и Хорезм с рубежа н. э. (Бубнова, Половникова, 1986).

Показательно использование аланами («поздними сарматами») в III – нач. IV вв. собственной серебряной монеты («варварских подражаний» римским денариям) для торговли с городами соседнего Боспора (на территории которого они ходили наравне с собственной монетой: клад из Шум-речки) в то время, как в степи они отсутствуют. Господствующее мнение о том, что чеканка таких подражаний была лишь политическим актом (Ждановский, 1992), не может быть принята, как версия Зографа о том, что монеты аорского Фарзоя чеканились с донативными целями (Карышковский, 1982, с. 22).

4. С I в. н. э. мужчины-греки Боспора начинают интенсивно перенимать кочевнический (аланский) костюм (Яценко, 1984). В свою очередь, номады закупают у боспорских купцов готовую одежду (Страбон, XI, 2, 3), заимствуют у греков сам термин «хитон», некоторые термины из народных игр (Гуриев, 1990) и эпические сюжеты (нартское сказание об Урызмаге и одноглазом великане – В. И. Абаев). Можно предполагать, что в осетинском нартском эпосе отразились

реальные контакты Алании и Боспора во II в. н. э. (события 111-114 гг. – в сюжете об унижении Урызмага боспорским «Царем рыб – хозяином пролива»; свержение законной династии Аравелианов в 20-х годах — в сюжетах борьбы Асхартагана и Бората). В свою очередь, аланский эпос воздействовал на армянский (предания области Готхан по Мов-сесу Хоренаци), на эпосы народов Сев. Кавказа и сюжеты западноевропейских сказаний о короле Артуре, восточнославянских былин.

Развитое греко-римское искусство почти не оказало влияния на степное аланское, ориентированное на образцы далекой восточной прародины (Яценко, 1993), за исключением ремонта отдельных драгоценных вещей (фалары из Дач) и воспроизведения обветшалых реликвий (чаша из Мигулинской). Однако в городах боспорские мастера были вынуждены отчасти переключиться на новые «варварские» сюжеты (изображение скачущего «катафрактария» с копьем в Танаисе и Илурате и всадника с плетью на надгробии Перигена, сына Асклепиада в Эрмитаже; роспись в пантикапейском «склепе Анфестерия» и др.).

После грузино-аланского конфликта около 262 г. н. э. (разгрома Предкавказской Алании и вероятного пленения аланских ремесленников) в Грузии появляются классические изделия гранатового инкрустированного стиля «клуазонне»: браслет 1981 г. из Армазисхеви, пояса из Уреки (Яценко, 1993а). Впоследствии этот стиль широко распространился в Европе.

5. Алания постоянно испытывала идеологическое давление со стороны закавказских соседей. Попытки силой насадить зороастризм (деятельность Картира около 260 г) и христианство (деятельность Григора Просветителя в нач. IV в.) обернулись полной неудачей, как и первая легендарная миссия на Кубань апостолов Андрея и Петра («Картлис цховреба»). Гораздо успешнее шла уже на рубеже II – III вв. н. э. христианская пропаганда среди сармато-аланов у римских придунайских владений (Тертуллиан. Против иудеев, VII), что затем облегчило распространение христианства среди аланов Западной Европы в V в. (Альцим Авит).

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ХРОНОЛОГИИ И ИСТОРИИ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВОЛЖЬЯ-ПРИУРАЛЬЯ

Хронология Азиатской Сарматии, разработанная более 40 лет назад, сегодня вызывает ряд нареканий, поправок, исправлений и дополнений. Требуется создание новой шкалы датировок, основанной на большом объеме материала, сквозных типологических схемах для основных категорий массового материала и разумном региональном членении.

Нами предлагается шкала относительной хронологии древностей VI в. до н. э. – IV в. н. э. степей от Дона до Урала. Она выполнена на материалах около 600 погребальных комплексов из трех базовых регионов: Задонья (междуречья Дона и Волги), Заволжья (от Волги до Узеней) и Приуралья, использованы готовые типологии бронзовых наконечников стрел, зеркал, мечей, курильниц, гончарной керамики, фибул, бус, амфорной тары. Заново созданы сквозные типологии для лепных горшков и железных наконечников стрел, учтены данные стратиграфии, некоторые характеристики обряда. Мужские и женские наборы инвентаря исследовались раздельно, после чего производилась синхронизация и абсолютная датировка, выделенных хронологических фаз. Произведенная в дальнейшем синхронизация трех хронологических шкал позволила выделить 5 этапов в развитии савроматских и сарматских древностей.

Первый этап – архаический – представлен, прежде всего, в Задонье, отдельные комплексы встречены и к востоку от Волги. Он характеризуется наборами стрел, уздой, лепной керамикой и находками амфор VI в; до н. э.

Второй – скифский – хорошо представлен в Задонье и Приуралье, несколько комплексов есть и в Заволжье. На этом этапе блестяще представлена вся «скифская триада», дополненная на Дону и Урале каменными алтариками, и, только в Приуралье, древностями сакского облика. Импортные «ольвийские» зеркала и амфоры позволяют датировать этот хронологический пласт VI – V вв. до н. э.

Третий этап – раннесарматский – определяется хронологическими индикаторами типа найденных в Прохоровских курганах в Оренбуржье. Раннесарматские древности сложились в Приуралье в финале предыдущего этапа и распространились на запад. В Задонье в ранний период этого этапа со-

существуют древности скифского, сарматского и приазовского (меотского) облика. В дальнейшем культура кочевников от Урала до Дона нивелируется. Раннесарматские памятники фиксируются в Туркмении и Предкавказье. Импортная керамика, бусы, фибулы, металлическая посуда, монеты ограничивают этот этап IV – 40-ми годами I вв. до н. э. При этом в Задонье древностей III в. до н. э. почти нет.

Четвертый – среднесарматский этап, – выделение которого недавно было подвергнуто сомнению, уверенно выделяется для Задонья и Заволжья, и отсутствует в Приуралье (оно на протяжении около 150 лет было покинуто). Он датируется концом I в. до н. э. – I в. н. э.

В характеристике последнего – позднесарматского – пласта мы не расходимся с А. С. Скрипкиным; его замечания относительно этого этапа мы можем распространить на Приуралье. Отметим лишь, что появление серии инноваций в материальной культуре и обрядности, связываемое со вторжением выходцев из Средней Азии, относится сначала к Предкавказско-Задонскому региону. К востоку от Волги они распространяются с запозданием на 70–100 лет.

Говоря об истории савроматов и сарматов, обращаем внимание на следующие события:

— Освоение савроматами (или их предками) Заволжья после Переднеазиатского Анабазиса скифов.

— Сложение культуры ранних кочевников Приуралья (протосарматов?) в результате бегства кочевников Приднепровья и Приуралья от походов Дария I Гистаспа в 517 и 512 гг. до н. э.

— Участие уральских сарматов в македоно-персидской войне в 330-е гг. до н. э. Именно эти события, по мнению автора, приводят к мощному выплеску ахеменидского импорта в Приуралье и сложению уникального комплекса Прохоровского кургана № 1.

— Вторжение сарматов в III в. до н. э. в западные районы Средней Азии, участие некоторых из их племен в завоевании Парфии.

— Походы донских и кубанских сарматов в Малую Азию в ходе войны 183–179 гг. до н. э. (сарматы Гатала) и Митридатовых войн, участие их в авантюре Фарнака II Боспорского в 47 г. до н. э.

— Вероятный союз Заволжских и Задонских сарматов с большими юэчжами при завоевании последними Бактрии в конце II в. до н. э.

— Миграция уральских сарматов на запад и юго-восток. Последняя, с одной стороны, открыла китайцам путь по се-

верному участку Шелкового пути, а с другой, привела к сложению в Фергане и Южном Казахстане общности алан-массагетов (маскутов). Относится это событие примерно к 36 г. до н. э., когда из Таласской долины были выбиты сюнну.

— Участие донских сарматов в набегах на дунайские рубежи Рима, «сирако-аорской» войне 49 г. и транзитной торговле с востоком, что привело к резкому обогащению военной верхушки и распространению погребений типа «Хохлача».

— Вторжение даваньских и кангюйских алан-массагетов в Предкавказье и Задонье с юга ходе рейда 135 г. Миграция алан была вызвана поражением в сюннусско-китайских войнах за «Западный край» в конце I – нач. II вв. н. э. Уничтожение мигрантами носителей древностей круга «Хохлача».

— Участие племен Азиатской Сарматии вкупе с готами в прессинге на Дунайский Лимес Рима во II – III вв.

— Уничтожение и вытеснение сарматов из рассматриваемого региона гуннами в начале – первой пол. IV в. н. э.

Б. А. Раев

АЛАНЫ И РИМ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аланы, хорошо известные по письменным источникам с середины I в. н. э., появляются в степях Восточной Европы значительно раньше – скорее всего, в середине I в. до н. э. С первой «волной» аланов можно связать памятники «Зубовско-воздвиженской» группы, сосредоточенные в СЗ Предкавказье, и отдельные погребения этого типа на Нижнем Дону и в Поволжье (Раев, Яценко, 1993). Первая «волна» аланов принесла в Причерноморье отдельные виды вооружения, бронзовую посуду эпохи позднего латана североиталийского производства и стеклянные сосуды, изготовленные в восточных провинциях Рима.

Письменные источники фиксируют аланов на Нижнем Дону и в СВ Причерноморье в середине I в. н. э. С этой «волной» мигрантов, вышедших, вероятно, из Средней Азии, связаны Большие донские курганы и курганы «Золотого кладбища» в Прикубанье. Римские и провинциальные импорты из курганов датируются периодом В₂ (бронзовая и серебряная посуда, стеклянные кубки, фибулы), что не противоречит ни данным античной традиции, ни датировкам предметов мест-

ного производства из раскопанных памятников. Импортные предметы из курганов – результат трех грабительских походов в Закавказье в 72, 114 и 134 годах. Вероятно, первый из них осуществлялся через Южный Прикаспий (Гирканский проход) еще из Средней Азии и Западного Казахстана, после чего часть аланов, составляющая вторую «волну», через Кавказ откочевала в Северное Причерноморье. Последующие грабительские набеги осуществлялись через Кавказские перевалы из мест постоянного обитания аланов.

Очередная, третья «волна» переселенцев второй пол. II в. н.э. – нач. III в. н. э. диагностируется памятниками так называемой «позднесарматской» культуры в степях Подонья и Поволжья. Отсутствие богатых погребений этого времени в Прикубанье говорит о переселении ее носителей скорее через Северный Прикаспий, чем путем предыдущих мигрантов.

Регулярные с середины II века походы в Закавказье и Малоазийские и Передневосточные провинции Рима были, источником поступления импортов периодов В₂/С₁. Это в основном предметы провинциально-римского производства и отдельные вещи из мастерских Армении и Кавказской Иберии. Отдельные импортные предметы из погребений в Южной Украине – результат последующих передвижений всех трех «волн» к дунайской границе Империи, где аланы появляются в третьей четверти I в. н. э.

Ни письменные, ни археологические источники не позволяют говорить о возможности каких-либо непосредственных торговых контактов аланов и Рима. Дорогие сервизы серебряной посуды могли быть дипломатическими дарами вождям кочевников, которых Рим и государства Закавказья периодически привлекали для борьбы с Парфией и Арменией.

А.А. Туаллагов

К ВОПРОСУ О САРМАТСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦАРСКОЙ ДИНАСТИИ БОСПОРА

1. В Нартовском эпосе осетин образ Хуандон-алдара обычно сопоставляется с представителями династии боспорских царей. В одном сказании он назван правителем тулонов, т. е. тавров, под которыми следует подразумевать боспорцев. Иногда возможно распространение на боспорцев и название чинтов.

**О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО КРЫМА С
БОСПОРОМ ПО МАТЕРИАЛАМ СВЯТИЛИЩА
У ПЕРЕВАЛА ГУРЗУФСКОЕ СЕДЛО**

2. Анализ нартиад северокавказских народов позволяет говорить, что зачинтами скрываются исторические синды. Причем, у осетин чинты самый близкий нартам этнос, а у адыгов – заклятые враги, покоренные мартом Бадынко. Замена имени отца нарта Бадына на имя Урызмага объясняется контаминацией с сюжетом о последнем походе Урызмага против Хуандон-алдара. В осетинском эпосе представлен рассказ, объединяющий сюжеты.

3. За контаминацией сюжетов видится отражение действительных исторических событий. По Страбону, воцарение Аспурга связано с деятельностью аспургиан, поселенных на землях синдов. Лукиан Самосатский повествовал о воцарении на Боспоре ставленника савромат и обязательстве алан подчинить синдианов.

4. Хуандон-алдар иногда выступает главой морских божеств (донбеттыров) и По этой линии считается родственником мартов; что, с одной стороны, соотносится с легендами о происхождении амазонок и скифов, а, с другой стороны, с «морской», генеалогией боспорских царей. После смерти герой попадает в рай нартов.

5. В одном сказании Хуандон-алдар помогает Урызмагу отомстить за смерть его сына Крым-Солтана от сестры крымского хана, что может объясняться их родственной связью. Причем, более чем вероятно владение царем хатиагским языком, который был известен только знатным нартам.

6. Крым-Солтан, двойник нарта Батраза, считается победителем агуров (видимо, гуннов). Он был похоронен в кузне бога Сафы, а Батраз – в склепе Сафы. Склеп помещается в земле Хуандон-алдара. В другой раз в нем оказывается похоронен Фарнаг, чье происхождение и подвиги сопоставимы с происхождением и подвигами Крым-Солтана. Но его образ как правителя нартов необычен для эпоса, и, возможно, связан с боспорским Фарнаком.

7. Сказители из осетин-дигорцев передавали, что жителями в Дигоре (Осетия) были греки, а потом «сармента из Крыма». Данные сведения касаются истории Северного Причерноморья и принесены сарматами. Сармат могли привести потомки боспорских царей, которые, по моему мнению, стали известны на Северном Кавказе как Царазонта.

В длительной истории святилища у перевала Гурзуфское Седло наиболее яркий период, относящийся к последним десятилетиям I в. до н. э. – середине I в. н. э. О том, что на рубеже новой эры произошла определенная революция в общественном сознании населения Горного Крыма, говорит сооружение довольно крупного ритуального комплекса с тщательно разработанной пространственной структурой, в которой воплотились космогонические представления его создателей. Распространились обряды сожжения, появился пантеон, важнейшее место в котором принадлежало божеству огня. Все эти признаки характеризуют качественный сдвиг в развитии раннеклассовых обществ.

В архаическом обществе святилище по своей структуре являлось моделью мира и использовалось для освящения существующего порядка. Монеты как вотивы, несущие на себе символику государственной власти, изображения культовой атрибутики и портреты могущественных правителей, нередко почитаемых наряду с божествами, были очень удобны для внесения (посредством сакральной силы святилища) в модель мира корректив, адекватных реалиям жизни. Несмотря на сравнительно малое число обнаруженных в святилище монет (313 экземпляров), на них присутствуют изображения всех наиболее важных политических деятелей римской эпохи, имевших влияние на обстановку в регионе, что не может быть случайным.

В связи с тем, что Боспор в конце I в. до н. э. попадает в сферу влияния Рима, отмечается стабилизация его политического и экономического положения, совпадающая с расцветом святилища у перевала Гурзуфское Седло, куда начинают поступать боспорские и римские монеты. Подбор монет может свидетельствовать о различной оценке жертвователями происходящих событий, о почитании или неприятии тех или иных правителей.

Есть нечто общее в распространении на святилище монет и стекла, которое так же активно начинает использоваться в обрядах на Гурзуфском Седле с последних десятилетий I в. до н. э. Находки античных стеклянных сосудов крайне редки на варварских памятниках Западного и Цент-

рального Крыма. На общем фоне выделяется обилием стеклянной посуды Боспор. В святилище на Гурзуфском Седле обнаружено немало стекла, аналогичного боспорским находкам. Можно сделать вывод, что импорт в святилище в период его расцвета поступал через Боспор.

Политическая ориентация населения Горного Крыма времени расцвета святилища была направлена на Боспор – наиболее мощное государство на территории полуострова, имевшее развитые торговые и политические связи с варварским миром. Наметившиеся во второй половине I в. н.э. признаки упадка святилища на Гурзуфском Седле явились следствием общего осложнения обстановки в Крыму, то есть обусловлены теми же причинами, которые вызвали необходимость римского военного присутствия.

Е. С. Нефедова

ПЛАСТИНА ИЗ КОМПЛЕКСА У СЕЛА БУБУЕЧЬ

1. Прежде, чем перейти к рассуждению о пластине, нам придется остановиться на трактовке комплекса С.В. Полиним. Он пытается зависить дату комплекса, основываясь на сходстве орнамента круглых пластин и ханьских зеркал, однако геометрический орнамент, подобный этому, есть на фаларах из погребения в Хоминой могиле, к. IV – нач. III вв. до н. э.

2. Две бронзовые пластины с изображениями человека и животных составляют единый набор с четырьмя мелкими бляшками с изображениями человеческих голов; судя по размерам изображений голов, они оттиснуты одним чеканом и на больших пластинах, и на круглых бляшках. Каждая пластина представляет основу одного набора, так как крепилась на лицевую сторону какой-то вещи. Пластины очень тонкие, выполнены в технике чеканки. Они имеют одинаковую форму и размеры, но несколько различный орнамент, хотя основные его элементы совпадают.

3. По технике исполнения и размещению орнаментов пластины сходны с предметами, выполненными в стиле ситул, существовавшем в Европе до IV – III вв. до н. э., однако на предметах, выполненных в этом стиле, есть лишь горизонтальные зоны, а на пластинах из Бубуеча присутствует и вертикальное, и горизонтальное членение,

Часть орнаментальных мотивов есть в искусстве гальштата (веревочный орнамент, мотив зигзагообразной линии с выпуклинами в местах изгиба), откуда они перешли и в более позднее искусство, но не в самой латенской культуры, а ее периферии. Мотив полукруга с выпуклиной в центре очень широко распространен в культурах латенского круга (ясторфской, зарубинецкой).

В трактовке животных на пластинах художником допущено несоответствие ракурсов изображения: животные повернуты в фас, а их копыта даны в плане. Такое несоответствие мы встречаем на некоторых изображениях в Даккии IV – III вв. до н. э., что свидетельствует, скорее всего, о сходном стиле, то есть о достаточно схематичной трактовке животных, не свойственной кельтскому и фракийскому искусствам.

По сюжету изображения сходны с позднескифскими, но сделанными на глине, то есть являющимися как бы реминисценцией.

Изображения человеческих голов, с другой стороны, выполнены в характерном для кельтов стиле: для них часты прически в виде завитков, глаза без зрачков («мертвые головы»).

4. Каково бы ни было назначение пластин, их изображения, несомненно, несут семантическую нагрузку. Сюжет изображений и характер комплекса позволяют говорить о связи изображений с военными трофеями и охотой.

В. И. Мордвицева

ИМПОРТЫ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ (из фондов ВОКМ)

Импортные вещи, встречающиеся в сарматских погребениях Волго-Донского региона, можно разделить на две разновеликие группы:

1. Массовый импорт. Это прежде всего глиняная посуда, сделанная на гончарном круге, и различные украшения (в основном бусы).

2. Редкие вещи – изделия из серебра и бронзы, стеклянные сосуды, а также красно- и чернолаковая гончарная керамика.

Эти две группы вещей различаются, с точки зрения их функционального назначения, в погребальном обряде. Импорт-

ты первого типа обычно представляют собой или личные вещи погребенного, маркирующие некоторые его личные характеристики (пол, возраст), или предметы, предназначенные для определенных обрядовых действий, не носящих социально-престижного характера (например, положение в могилу напутственной пищи). Импорты второго типа необходимо оценивать прежде всего как социально-престижные атрибуты погребального обряда, в том числе как сокровища и предметы, используемые в культовой практике. В то же время, переосмысленные в духе сарматской идеологии, эти вещи отчасти сохраняли и прежнее утилитарное значение.

Уникальны две серебряные чаши с ручками в виде грифонов из тайника среднесарматского погребения 2-ой пол. I в. н. э. кург. 3 мог. Бердия (раскопки И. В. Сергацкова). Аналогией бердиевским являются - парные чаши из кург. 28 мог. Жутово. Их отличие состоит в том, что в качестве ручек использованы фигурки орлов. В. П. Шилов определил место изготовления этих чаш как южноиталийское. Более вероятным представляется их производство в одной из восточных провинций Римской империи. Из того же погребения происходит бронзовый литой сосуд, вероятно, провинциально-римского производства.

Медный кованый котел найден в раннесарматском погр. 4 кург. 27 мог. Жутово-64 (раскопки В. П. Шилова). Аналогиями жутовскому являются котлы из Прикубанья – из I Малого и IV Семибратних курганов I пол. V в. до н. э., Курджипского кургана и Куковой могилы (Болгария). Дата жутовского погребения по античному бальзамарию – III в. до н. э. Время же изготовления котла более раннее, вероятно, IV в. до н. э. В 1974 г. в том же могильнике (раскопки В. И. Мамонтова) в насыпи кург. 75 обнаружен деформированный кованый бронзовый котелок типа Дебелт. Точной аналогией этому сосуду является другой котелок из коллекции ВОКМ, – из кург. 3 мог. Бердия. Кованые котелки этого типа скорее всего имеют фракийское или северопричерноморское происхождение. Исходной формой для них служили южноиталийские сосуды. Дата изготовления жутовского и бердневского котелков – I в. н. э.

Еще один бронзовый котел был найден случайно в Котловском р-не Волгоградской области в 1972 г. Котел сильно деформирован по его венчику прорезана греческая надпись: «Богу Аресу Блекуру (или Блекурскому?) из средств хранителя (?) Бога Аполинария Приска». Ю. Г. Виноградов предпо-

лагает фракийское происхождение котла и относит его к римскому времени.

Бронзовая ситула баргфельдского типа была обнаружена в тайнике среднесарматского погр. 4 кург. 1 мог. Киляковка (Раскопки Е. П. Мыськова). В авторской публикации была интерпретирована как котелок. В качестве аналогии ведерку из Киляковки можно привести сосуд из Б. Дмитриевки, а также ведро из среднесарматского погр. 9 к. 1 у хут. Северный в Прикубанье. Время бытования таких ведер В. П. Шилов определяет I в. до н. э. – I в. н. э. на основании работ А. Радноти и Г. Виллерса.

Из поминального комплекса над среднесарматской могилой I в. н. э. кург. 5 мог. Антонов-1 (раскопки В. И. Мамантова) происходит бронзовый кованый римский тазик. Наиболее близок антоновскому италийский тазик из Андреевского кургана типа Эггерс 91. В. В. Кропоткин датирует таз из Андреевки I в. до н. э. В это же (время был скорее всего произведен и антоновский сосуд. Другой римский таз найден в упоминавшемся уже кург. 3 мог. Бердия. Атташи ручек таза оформлены в виде свернувшихся змей. Аналогичные тазы типа Эггере 99 – 100 датируются I – II вв. н. э. Коллекцию бронзовых сосудов завершают два бронзовых ковша из погр. 1 кург. 2 мог. Глиннице-86 (раскопки Мамонтова В. И.) и погр. 1 кург. 11 мог. Нагавский- II (раскопки Е. П. Мыськова). Ковши относятся к типу Эггерс 139 и 140 и датируются 2-ой пол. I в. н. э. Из упомянутого нагавского погребения происходят еще две редкие находки, — стеклянные ритон и кувшин. По способу орнаментации ритон близок т. н. «серпантинному стилю», зародившемуся на Востоке и особенно популярному во II – III вв. н. э. Кувшин, судя по его форме, является продукцией западноримских мастерских. Появившись в нач. I в. н. э., такие сосуды доживают до IV в. н. э., пик же их распространения падает на II в. н. э.

Практически все перечисленные находки происходят из погребений сарматской знати. Начиная с I в. н. э., у сарматов появляется обычай сооружать в могилах или в насыпях курганов различного рода тайники – ритуальные захоронения вещей, подчеркивающих высокий социальный статус их владельца. Большая часть римских импортов происходит из таких тайников и их с полным правом можно расценивать как сокровища. Наличие же соответствующей погребальной практики является одним из неперенных атрибутов особого общественного строя, который А. М. Хазанов определяет как «вождество».

О НАЧАЛЕ И НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕВЕРНОГО ОТВЕТВЛЕНИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

В ряде работ, посвященных дачной проблеме, утверждается, что северная часть шелкового пути, идущая через Среднюю Азию, Нижнее Поволжье в Северное Причерноморье, начинает эксплуатироваться при активном участии китайских купцов с I в. до н. э. (Лубо-Лесниченко Е. И., 1988; Берлизов Н. Е. 1990; 1993). Находки китайских вещей и ряд категорий находок среднеазиатского производства в восточно-европейских степях обычно интерпретируются как результат этих, торговых акций. Такая трактовка восточных инноваций в материальной культуре сарматов представляется односторонней. Восточные импорты в сарматских погребениях могли представлять собой военную добычу, дипломатические дары, отдельные вещи могли изготавливаться на заказ, в конечном случае их появление могло являться результатом миграции. Некоторые категории находок в своем движении от Китая до Восточной Европы, вероятно, несколько раз меняли свой статус. К примеру, от китайцев к усуням и другим народам Средней Азии вещи попадали как дипломатические дары (Сыма Цянь) из Средней Азии в Восточную Европу — как результат торговли, военной добычи или миграции.

Одним из важных доказательств начала активной торговой деятельности по северному ответвлению Великого шелкового пути является наличие сведений в письменных источниках о территории между Средней Азией и Северным Причерноморьем. Следует отметить, что вплоть до Птолемея в античной географической и исторической литературе такие сведения отсутствуют. Страбон считал Каспийское море заливом Северного океана (XI, VI, 1), аналогичные соображения высказывал и другой эрудит античности Плиний (VI, 36). Резкие изменения в осведомленности о Северном Прикаспии у античных авторов приходится, таким образом, на конец I—первую пол. II вв. н. э.

Китайские хроники эпохи Хань также ничего не сообщают об этом районе. Их сведения в этом направлении ограничиваются владением Яньцай, которое по новым данным может быть локализовано в юго-восточном Приаралье (Боровкова Л. А., 1989).

Страбон, кроме того, дает возможность выяснить причины, по которым торговые операции по северному пути в его время не могли осуществляться. Враждебно настроенные кочевники перекрыли все пути, ведущие вглубь степей (XI, 11, 2). Таким образом, политический аспект в установлении торговых связей по этому пути играл не последнюю роль.

Этнополитическая ситуация в восточно-европейских степях постепенно меняется в I в. н. э. в связи с появлением и утверждением аланов. Только после этих событий античная география получает оригинальные данные о территории, расположенной к востоку от Дона. Новая политическая обстановка оказалась, вероятно, более благоприятной для развития торговли через степной коридор. Возможно, это было обусловлено политическими и экономическими интересами новой группировки племен, возглавляемой аланами, ранняя история которых была в определенной мере связана со Средней Азией.

Мощный выброс восточных инноваций в сарматском археологическом материале I в. н. э., скорее всего, связан с миграцией аланов, являющихся частью восточного скифского мира, о чем свидетельствует частое скопление вещей восточного производства в отдельных комплексах, несущих определенную этническую нагрузку.

Отдельные находки восточного происхождения в сарматских памятниках Северного Кавказа и Северного Причерноморья могли попадать и иным путем. В последние века до н. э. — начале н. э. действовал торговый путь, шедший из Индии через Бактрию, по Амударье и Каспию в Черное море (Страбон, XI, VII, 3; Плиний VI, 36). К этому пути были подключены аорсы, игравшие посредническую роль в торговле с Востоком,

Е. А. Беглова

МЕХАНИЗМ СЛОЖЕНИЯ КОМПЛЕКСА КРУГОВОЙ КЕРАМИКИ У МЕОТОВ

1. На рубеже V–IV вв. до н. э. в керамических комплексах памятников Кубани наблюдается резкое увеличение процентного содержания посуды, сделанной на гончарном круге. Формы круговой посуды представляют собой определенный сложившийся комплекс, не имеющий корней в предыдущий

период и не связанный с лепной керамикой VI–V вв. до н. э. Мы можем констатировать также, что круговая посуда сделана по технологии, не имеющей корней в местной культуре. Эти факты делают актуальным вопрос о механизме сложения и появления на Кубани круговой посуды. Он был рассмотрен О. Ф. Жупаниным и И. И. Марченко с точки зрения технологии производства. Анализируя способы формовки сосудов и выделив признаки первого, второго и третьего уровней развития функций круга на материалах VI–IV вв. до н. э., они пришли к выводу о зарождении и развитии гончарного круга на местной основе в рамках указанного периода. Время появления быстровращающегося круга (РФК-7) отнесено к середине V в. до н. э.

Действительно, этим периодом датируются первые, наиболее ранние сероглиняные и красноглиняные сосуды в погребальных комплексах. Однако находки их единичны. Массовое появление круговых сосудов в могильниках и поселениях относится к концу V–нач. IV вв. до н. э. В западных районах кубанского региона это произошло несколько раньше, чем в восточных. Динамику распространения круговой керамики отражают материалы некоторых памятников. Для сравнения взяты лишь два: городище 2 у хутора Ленина (раскопки А. М. Ждановского) — нижний ярус конца V–нач. IV вв. до н. э. — лепная посуда составляет 86%, круговая — 14 %; верхний ярус IV–III вв. до н. э. — лепная посуда составляет 75%, круговая — 25%. Уляпские грунтовые могильники (раскопки А. М. Лескова): Уляп 2 датируется второй пол. VI–V вв. до н. э. — всего 4 круговых сосуда из трех комплексов конца V в. до н. э. (ок. 15% от всей керамики могильника); Уляп 1 — IV–нач. III вв. до н. э. — 42 % составляют погребения только с лепной посудой, 48% погребения в которых лепная и круговая посуда встречены вместе.

Учитывая отсутствие морфологических и технологических корней круговой керамики в местном гончарстве предшествующего периода, мы решили подойти к вопросу о ее появлении на Кубани, исходя из исторической ситуации в регионе в конце V–нач. IV вв. до н. э.

Наиболее многочисленные в меотских памятниках категории круговой посуды (кувшины с рифленным и нерифленным горлом, кувшинообразные сосуды, некоторые типы мисок и мисочек, двух- и одноручные кубки, некоторые типы вазочек, одно- и двуручные чаши) имеют прямые аналогии в керамике Боспора. Технологически круговые сосуды из кубанских памятников мало отличаются от боспорских.

Каков же механизм появления гончарного комплекса на Кубани? Обратимся к истории взаимоотношений Боспорского царства и меотов во второй пол. V в. до н. э. С момента прихода к власти династии Спартокидов синдо-меотские племена Кубани попали в зону политических и экономических интересов Боспора. Известно, что самые широкие слои населения Кубани пользовались изделиями боспорских ремесленников, в том числе и гончаров. Вероятно, что наиболее ранние находки круговой керамики в памятниках меотской культуры отразили зарождение торговых связей.

С конца V в. до н. э. отмечается увеличение числа городищ и поселений на Правобережье Кубани, значительно увеличивается их территория. Эти явления совпадают по времени с усилением боспорской экспансии на восток, которая носила прежде всего экономический характер. Увеличение населения боспорских городов после Пелопонесской войны (431—404 гг. до н. э.) или милетского восстания, вероятно, привело боспорских ремесленников, в силу усилившейся конкуренции (?) к поискам новых рынков сбыта своей продукции. Такой зоной для них стала Кубань и ее население.

Особенности гончарного производства, вероятно, вынуждали боспорских гончаров переселяться на меотские городища, где в течение довольно незначительного отрезка времени и было налажено производство круговой посуды.

С. Л. Дударев

К ВОПРОСУ О РАННЕМ ЭТАПЕ ОСВОЕНИЯ ЖЕЛЕЗА НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

До сего времени начальный период освоения железа на Северо-Западном Кавказе был разделен на два этапа: ранний (IX в. до н. э.) и поздний (VIII—первая пол. VII вв. до н. э.), причем следы обработки железа отмечались в памятниках, датируемых не ранее VIII в. до н. э. (Алексеева, 1971). Гипотетичный прежде IX в. начинает приобретать теперь более реальную основу. В Закубанье выделена группа погребальных комплексов конца IX — первой пол. VIII вв. до н. э., содержащих изделия из железа (Эрлих, 1992), а на поселении Красногвардейское-II выявлен протомеотский слой IX — середины VIII вв. до н. э. с отдельными железными предметами (Шарафутдинова, 1989). Тем не менее, в изучении начала освоения железа на Северо-Западном Кавказе есть еще

много неясного. Так, не открыты еще сами железопроизводящие центры, далеко не всегда совпадавшие с бытовыми памятниками нач. I тыс. до н. э., которых, к тому же, известно еще очень мало (помимо Красногвардейского-П можно назвать поселение «Заслонка» на р. Уруп (Анфимов, 1967, 1978) и Хумаринское селище в Карачаево-Черкесии). Не обнаружены пока следы добычи железной руды, хотя имеются месторождения (Таманское, с запасом руд по данным 30-х гг. XX в. в 10 млн. тонн) и выходы железной руды (Карачаево-Черкесия) (Дударев, 1989). В то же время очень важным представляется заключение Н. Н. Тереховой о технологии изготовления железных изделий второй пол. VII – нач. VI вв. до н. э. из скифских курганов и меотского могильника Келермесса: «Уровень развития техники железообработки свидетельствует о том, что черный металл давно и прочно вошел в быт местного населения» (Терехова, 1989). Установлено, что черный металл из Келермесса входит в одну металлургическую группу с изделиями из кобанских памятников типа Сержень-Юрта и Уллубаганалы. Впрочем, не следует исключать и того, что часть железных изделий Прикубанья IX–VII вв. до н. э. может иметь южные истоки. Морфология ряда наконечников копий из Псекупса (погр. 130), Фарса (погр. 35), дольменов Геленджика, курганов Келермесса и др. указывают на колхидское и южногрузинское влияние («Красный маяк», Гуад-Иху, Гантиади и др.).

В Восточном Причерноморье открыта целая серия железоплавильных печей XIV–VI вв. до н. э. (Хахутайшвили, 1977, 1982 и др.). Местный очаг черной металлургии, по мнению грузинских ученых, составляет единое целое со знаменитым халибским (Эсхил, Ксенофонт, Псевдо-Аристотель, Каллимах, Евдокс, Аполлоний Родосский, Страбон). Халибское влияние на железоделательное производство стран бассейна Эгейского моря доказывали П. К. Услар, И. А. Джавахишвили, И. А. Гзелишвили, Р. М. Абрамишвили, Т. К. Микеладзе и др. Есть точка зрения, согласно которой колхидо-халибский очаг снабжал железом западную и центральную часть Закавказья; из ущелья Чорохи по ответвлению «железного пути» этот металл шел через Мелитену и Кархемьш на Ближний Восток (Хахутайшвили, 1977; Дьяконов, 1983).

Признавая крупную роль данного очага и необходимость изучения его влияния на Прикубанье, другие области Кавказа и Переднюю Азию, нужно привести и альтернативное мнение о степени его древности. По Ю. Н. Воробьеву (1984),

начало железного века в Восточном Причерноморье приходится на 750—600 гг. до н. з., а железоплавильные печи Колхиды отнесены им к VII–VI вв. до н. э. В самом деле, могильники Колхиды демонстрируют сочетание бронзового и железного оружия и орудий труда в конце VIII–VI вв. до н. з. (Траш, 1969; Микеладзе, Барамидзе, 1977; Лоркипанидзе, 1978; Кахидзе, 1981; Микеладзе и др., 1985 и др), что говорит о незавершившемся еще в это время процессе смены бронзы железом. О распространении в Грузии железного оружия сходного типа в конце VIII в. до н. э. под влиянием пришедших из Малой Азии племен месхов пишут О. С. и И. О. Гамбашидзе (1986). Думается, что вынесенность за пределы поселений самих металлургических комплексов (кузнецы были замкнутой, эндогамной кастой, часто обитавшей и трудившейся отдельно от остальных людей (Траков, 1977), не дает пока что возможность установить окончательную хронологию железоплавильных печей Колхиды;

В. Н. Порох

К ИЗУЧЕНИЮ КУЗНЕЧНОГО ДЕЛА У САРМАТОВ

В археологической лаборатории ВолГУ совместно с кафедрой технологии материалов политехнического института проводятся металлографические исследования железных археологических находок. Потребность в подобном исследовании возникла в связи с всесторонним изучением савромато-сарматского мира. В этой связи были сформулированы и поставлены важные задачи перед металловедом: производили ли кочевники металлические изделия в собственной среде или заимствовали у соседей, если да, то в какой степени и преимущественно с кем были отлажены контакты по получению готовой продукции из черного металла.

Ответы на поставленные вопросы можно получить благодаря металлографическому исследованию археологического материала. К сожалению, возможности этого метода в отношении археологических находок савромато-сарматского времени часто бывают ограничены из-за плохой их сохранности. Поэтому каждая археологическая находка, пригодная для металлографического анализа, представляет уникальную ценность и мы стремимся извлечь из нее как можно больше информации.

Так, нами разрабатывается методика по изучению шлаковых включений, надеемся, что успешное завершение ее даст дополнительный материал к решению поставленных вопросов.

Кроме того, привлекаются к металлографическому исследованию находки того же времени соседних культур, в частности, среднедонской, городищской, меотской с целью выявления общих элементов в приемах обработки металла и их особенностях.

Проанализирована рудная база территории Нижнего Поволжья с целью выявления возможности ее использования в металлургии железа, если такая была возможна для кочевников-скотоводов. По итогам нашей работы район Мокрой Ольховки Камышинского р-на является благоприятным и наиболее вероятным для металлургического производства.

По хронологии самой ранней находкой является киммерийский наконечник копья из Барановка-1 Камышинского р-на, датируемый VIII–VII вв. до н. э. Как показало микроисследование, при изготовлении наконечника использовалось пакетование из чередующихся пяти слоев: малоуглеродистых стальных полос и железных прутьев. Такая технологическая схема была известна на территории Западного Кавказа в античное время.

Особого внимания заслуживает биметаллический меч, относящийся к случайным находкам и датируемый VII – VI вв. до н. э. Он обнаружен близ х. Стеженский Алексеевского р-на. Металлографическое исследование меча дает основание подтвердить гипотезу о проникновении на территорию Нижнего Поволжья мечей с Северного Кавказа. По характеру структуры можно предположить, что меч целиком откован из высокоуглеродистой стали, причем нижняя часть лезвия меча термически обработана. Это обстоятельство и подтверждает его кавказское происхождение.

В том же х. Стеженский обнаружен меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Являясь случайной находкой, меч по типологическим признакам датируется VII–VI вв. до н. э. По результатам микроисследования меч выкован целиком из куска кричного железа путем кузнечнойковки. Такая примитивная схема вполне допускает мысль о местном его происхождении, хотя эта гипотеза требует подтверждения.

Конечно, исследованная группа железных изделий слишком ограничена для того, чтобы сделать серьезные выводы

об отлаженных контактах по снабжению кочевников Нижнего Поволжья кузнечной продукцией кавказского происхождения. Однако, металлографический анализ нескольких железных находок согласуется с предположением археологов о существовании подобных связей.

А. Л. Бойко

ТАНАИДСКАЯ КОМИССИЯ СКОАИЭ

Размах краеведения на Нижнем Дону в предвоенное время связан с окончательным оформлением в марте 1925 г. Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии как массовой общественной организации. Однако даже существование в Ростове и районных центрах отделений общества и краеведческих музеев не могло в полной мере противодействовать обширным разрушениям памятников археологии. Под угрозой гибели находились Недвиговское и Елизаветовское городища, «варварские» поселения и курганы в окрестностях Ростова и многое другое. Но, несмотря на отсутствие необходимых дотаций для проведения археологических изысканий и публикаций их результатов, краеведческое движение на Нижнем Дону в 1926–30 гг. переживало особый подъем и не последнее место в эти годы занимали работы Танаидской комиссии.

Для координации действий по изучению памятников античности группой действительных членов общества, работающих над составлением археологической карты Дона, на заседании 11.12.1926 г. была сформулирована концепция особой комиссии, целью которой была бы «разработка вопросов связанных с изучением Танаиса». 16 декабря на заседании правления СКОАИЭ было принято решение об учреждении постоянной Танаидской комиссии при научном отделении общества.

На первых заседаниях комиссии оформилась ее организационная структура, избраны президиум в количестве 3 человек и действительные члены, среди которых были известные исследователи донских древностей М. Б. Краснянский, А. Т. Стефанов, А. М. Ильин и представители «младшего» поколения краеведов Б. В. Лунин, С. А. Вязигин и др. Председателем Танаидской комиссии был избран профессор Ростовского университета И. П. Козловский. Любопытно, что для работы комиссии были приглашены не только специалисты в области

краеведения и археологии, но и ученые университета, известные своими работами по классической истории и филологии – профессора Н. Н. Любович, А. Ф. Семенов, Е. А. Черноусов и П. Н. Черняев.

На заседаниях комиссии заслушивали доклады, посвященные истории Танаиса и его округи. Рабочие сообщения содержали информацию о полевых изысканиях и отдельных археологических находках. Информация о работах комиссии публиковалась в краевых газетах «Советский Юг» и «Молот». Члены комиссии публиковали свои научные работы как в «Известиях СКОАИЭ», так и в журналах «Бюллетень Северо-Кавказского Бюро краеведения» и «Краеведение на Северном Кавказе».

Для специалистов в области сарматской археологии представляет интерес сообщение С. А. Вязигина «О вновь открытых городищах на месте г. Азов, в связи с вопросом о местонахождении древнего Танаиса», где произведен критический разбор данных об открытых в 1925 г. Подазовском и Крепостном городищах. Сделан вывод о том, что нет достаточных оснований предполагать «древний Танаис» на месте г. Азова. В сообщении Б. В. Лунина «Один из источников к познанию этнических элементов в населении Танаиса» сделан вывод, что тамгообразные знаки античного времени, часто встречаемые на Нижнем Дону, являются следствием активного проникновения сарматских элементов в состав насельников региона. Последующее изучение погребального обряда некрополя Танаиса и эпиграфических находок с городища подтвердило этот вывод.

Начавшийся в середине 1930 г. перевод краеведения на «ленинско-марксистские рельсы» и борьба с «буржуазным любительством» подорвали деятельность как всего Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, так и Танаидской комиссии.

И. В. Волков

ТУРЕЦКИЕ КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ИЗ АНАПЫ И ТРАКТАТ ШАРЛЯ ПЕЙСОНЕЛЯ «О ТОРГОВЛЕ НА ЧЕРНОМ МОРЕ»

Многочисленные коллекции глиняных курительных трубок в Анапском музее составляют в основном случайные находки с территории города. Стра-тиграфических данных для

их датировки нет. Тем не менее бросаются в глаза отличия выборки от общих комплексов находок с других памятников, где хорошо представлены слои XVII–нач. XVIII вв. Полуразрушенная крепость времен Эвлии Челеби в период противостояния России и Турции (вторая пол. XVIII – нач. XIX в.) была превращена в мощный опорный пункт с многочисленным гарнизоном. Следовательно, именно к этому времени должны относиться почти все анапские находки, а отличия от набора форм на других памятниках носят хронологический характер. Для Анапы характерно господство только двух фасонов трубок (имевших широкое распространение на всех османских и сопредельных им территориях).

Первый – с десятигранной чашечкой, восьмигранной втулкой, обильной орнаментацией и клеймом «нишан» (тур. «клеймо»). Диаметр втулки у них – 1,4–1,7 см. Второй – тюльпановидной формы с уплощенным основанием чашечки, без орнамента, с клеймом «птичка». Диаметр втулки у них – 0,8–1,0 см.

Именно к этому времени относится «Трактат о торговле на Черном море» Шарля Пейсонеля. Текст его следует привести полностью. «ТРУБКИ. В Крыму употребляют только два сорта трубок: первый называется тахтачубук и привозится из Константинополя с мундштуком из слоновой кости и отделанными краями; другим сортом являются трубки из Гермечек и Гайгема, сделанные из вишневого дерева и розовых кустов; наибольшая часть их привозится из Молдавии; ежегодно продается более 200 000 трубок от 1 до 10 пара за штуку. Ногайцы и черкесы употребляют их в удивительно большом количестве. Ценных трубок, сделанных из жасмина и с мундштуком из амбры и др., не бывает в продаже; их привозят только в качестве подарков или по заказу».

Гермечек – это современный Герменджик, расположенный в западной части Малой Азии в долине реки Бол. Мендерс, приблизительно в 20 км к востоку от развалин древнего Эфеса. Таким образом, вырисовывается следующая картина: на рынок поступали трубки тахтачубук из Константинополя; из Герменджика и Гайгема привозят трубки другого, более простого сорта, такие же трубки привозят из Молдавии.

Указанные автором различия между сортами трубок дают основания для соотнесения их с реальными находками. О константинопольских трубках сказано, что у них «отделанные края», следовательно, это должны быть орнаментирован-

ные изделия. Деревянные части трубок второго сорта могли быть сделаны из розовых кустов, которые отличаются небольшим диаметром; трубки с мундштуком из слоновой кости, напротив, предполагают большой диаметр втулки, т. к. он должен был превышать диаметр деревянной части, в которую вставляли мундштук. Следовательно, трубки первого фасона из Анапы можно связывать с Константинополем, а второго – с Герменджиком и Гайгемом.

В тексте трактата есть еще одно место, которое имеет отношение к проблеме. В упомянутом фрагменте, касающемся Крыма, сказано, что основными потребителями трубок были ногайцы и черкесы. Поэтому умозрительно надо полагать, что этот товар должны были доставлять им через порты северо-восточного берега Черного моря, а не через Крым. Однако в главе об импортной торговле Черкесии упоминание о них отсутствует, но есть фрагмент, который оставлен издателем непереведенным: «1000 cauffes de poix de Pipes из Константинополя по 500–600 poix la cauffe». Считаю вполне допустимым следующий перевод: «(В Черкесию привозят – И. В.) 1000 куф головок (глиняных частей – И. В.) (курительных) трубок по 500–600 головок в куфе» (Куфами, скорее всего Назывались крупные керамические сосуды с двумя горизонтальными ручками, служившие, в основном, тарой для перевозки жидкостей). Следовательно, в данном случае речь идет опять же о константинопольских трубках. сорта тахта-чубук, привозимых оттуда упакованными в керамические сосуды.

Это только результаты начального исследования происхождения керамических трубок и полученные выводы можно относить достоверно только к оригинальным изделиям с клеймами «нишан» и «птичка». В дальнейшем необходимо выделять отличительные, признаки производств трубок-подражаний.

В. Б. Виноградов

СРЕДНЕЕ ПРИКУБАНЬЕ: ВСТРЕЧА И ВЗАИМОВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ

Понятие «Среднее Прикубанье» впервые мотивировано географо-историческими признаками Ф. А., Щербиной около ста лет назад. Сердцевиной этой своеобразной области Севе-

ро-Западного Кавказа являются территории нынешних г. Армавира, Новокубанского, Успенского и прилегающих к ним районов Краснодарского края.

Оригинальность, необычность этой зоны изначально диктовались комплексом природно-географических условий в их длительно уловимой экологической ретроспекции (расположение в непосредственной близости от подошвы «Черных гор» – первых отрогов Большого Кавказа; вхождение в ареал знаменитых, воспетых А. С. Пушкиным, «закубанских равнин», пересекаемых руслами нескольких рек, чьи достаточно просторные ущелья представляли удобные пути и для передвижения вглубь горных теснин и обратно; «выходом» на правый берег Кубани последних всхолмлений Ставропольской возвышенности; пересечением в узле «Армавирского коридора» искони естественно обеспеченных и удобных миграционных и военно-торговых трасс; богатством и разнообразием ископаемых, почв, флоры, фауны; мягкостью и стабильностью климата и многим другим).

Не вдаваясь в детали показа этнического состава населения Средней Кубани в панораме эпох и тысячелетий, необходимо подчеркнуть, что никогда в прошлом (как, впрочем, и теперь) микрорегион этот не был населен этносоциальными организмами одного-единственного корня, происхождения, языка, культуры и быта. Напротив, именно здесь всегда «встречались», налаживали связи и отношения, вступали во многомерные взаимодействия несколько этнокультурных массивов, в том числе и занимающих диаметрально противоположные изначально эколого-хозяйственные позиции (оседлые земледельцы и кочевники.). Чрезвычайная сложность, но одновременно и исключительная плодотворность долгой цепи контактов порождали феномен постоянной полиэтничности и культурно-бытового симбиоза.

К тому же, в отличие от глубоко внутриконтинентальньх или природно изолированных областей Северо-Западный Кавказ (в том числе Средняя Кубань) – приморский регион, притягивавший к себе по проторенным маршрутам' евразийских связей и синтезировавший весьма широкие историко-культурные импульсы и влияния. Причем Среднее Прикубанье, вроде бы несколько удаленное от «передовых рубежей» глобальных (минимум - межконтинентальных в ареале Европы, Азии и Африки) процессов, представляет немалые возможности в этом плане, будучи весьма типичной кон-

тактной зоной, аккумулирующей громадный и необычайно пестрый опыт и потенциал международных обращений. В качестве одного лишь примера стоит обратиться к изучению механизма и результатов более чем тысячелетних русско-прикубанских связей на окружающем межконтинентальном фоне. Их органичной частью стала реально-обусловленная (при всех чертах драматизма!) история утверждения в этих местах приоритета «российскости»; зарождения и развития общности судеб разных народов внутри единой многонациональной России.

В случае успешного движения к разрешению этой задачи будет обеспечен и новый, более фундированный и объективный, лишенный заманчивых и захватывающих крайностей подход к многовековому генезису кубанского казачества, как этно-культурного элемента, складывавшегося целиком и полностью в зависимости от специфической роли в истории Отечества уникальной контактной зоны и уяснения сложного механизма всего многообразия соответствующих контактов.

CONTACTS BETWEEN THE BALTIC REGION AND THE BLACK SEA DURING THE LATEST BRONZE AGE AND THE EARLY IRON AGE

In order to make you understand the theme of this lecture connection during Late Bronze Age and Early Iron Age between the Baltic and the Black Sea - I have to begin a little earlier. In the Late Neolithic northern Europe seems to have been invaded from the east, by – as some believe – riding hordes of nomads. We can trace this people through the battle-axes and characteristic pottery. According to M. Gimbutas there were not one, but two or three such invasions, at intervals of some hundreds of years.

If we can suppose, that these peoples were riding horsemen (perhaps using their battle axes like the modern polo-player), and that they brought cattle along, it is interesting to follow their ways to the west on the topographic map.

Here you can see a situation, which could be called "The mountains of Europe and the eastern riders". This clearly shows how the riding people have to the north of the Carpathian Mountains.- this is leaning on my own reconnoitering. As a cavalry officer during¹ the last War, I have good experience of the possibilities for horses to climb mountains, which seems to be the same as for modern armour or tanks.

This movement to the north when entering Europe on foot (on the long routes) is of importance for the understanding¹ of all cultural communications during all periods, between east and west - west and east, perhaps with a background of temporary changes of climate, which had effect on the steppe nomads. We can follow this theme in the period now in question - the latest Bronze Age and Early Iron Age. Here we have the well-known invasions of the Scythians, and the peoples connected with them, the kimmerians and Sarmathians, who can be traced in the same way as the battle-axe people on the topographic map. Now we have - perhaps after.

a period with chariot, warriors – a renaissance of horse-riding and, depending on this, the introduction of the trousers in the Baltic region.

What we now have treated, are the terrestrial connections over land. Another important factor are the connections on the rivers from the Baltic to the Black Sea. This factor, or method of communication, has been recognized mainly regarding the Viking Age, but it most certainly had a great importance also during the Bronze Age and onwards. A recent expedition from the Baltic to the Black Sea, led by me in 1983 and 1985, was carried out in order to test the possibilities and the length of time for a voyage and for the Viking type of vessels. The results are very important for understanding¹ the possibilities of communication on those important contact routes, which always should be looked at in combination with the contacts over land. In the Baltic region at the end of the Bronze Age and especially in the Migration period we also have to consider a «united. culture» - the Circum-Baltic culture with the development of marine technique as a background. This Circum-Baltic culture has its natural communications along the rivers to the south, which may have been used in periods of over-population, perhaps with a climatic background, this about the different possibilities of communication.

A very important factor as background for trade and communication is the early production of iron and the possibility, that one important origin of the technique is to be found in the east. Those "iron contacts" may (also after the introduction of the technique) perhaps explain some locally concentrated connections between the Malar region and the island of Gotland in the earliest Iron Age, where we perhaps also can see connections with the Caucasus-Kuban district in the Black Sea region.

Here we have three significant factors, firstly a very original kind of grave-form with stones put as wheel-spokes, an ornament that can be traced down through Europe to Hungary and further to Greece, where we can see its origin in the realistic - chariot wheels. The ornament is here a symbol and may be found on Greek coins and on the Shield of the goddess Athena, the protectress of the town of Athens.

The second factor is a special type of pin with a shallow-

head of late Hallstatt origin.

The third and most important factor is the conical spirals of bronze wire, used as "ear-rings" and - as the wheel-graves and shallow-head pins - found on Gotland and in the Malar region. This specific type of ornament can namely be found in the Kuban district on the northeast coast of the Black Sea. Contacts from Scandinavia in the same direction can perhaps also be seen in some Hallstatt D ornaments in the shape of animal heads on razors and wagon-mounts, also in some significant artefacts imported to Scandinavia from the same region, here exemplified by a Gotlandic find of a pin with one animal-head and one human

It is interesting to see that this long-distance communication between the Black Sea region and the Baltic seems to continue also later on. We have here the well-known parallels in artefacts such as Pommeranische Fibeln, Kronenhalsringe and other things, which have been explained by the migrations of the Bastarnians and Skirnians in the centuries before Christ. It is possible that this can explain the difficult question of the circumstances around the earliest goldsmith's production in the Baltic region. We can concentrate on two of the most well known examples the Havor-ring and the Gundestrup-cauldron.

The ring was found in 1961, hidden in the wall of a ringfort at Havor in Hablingbo on Gotland, during an archaeological excavation. It was lying in a Roman pit together with other Roman imported objects, and must have been hidden in the wall at the beginning of the second century A.D. In reality it is a big Celtic torques of gold, with wonderful filigree ornaments of a very characteristic shape. It has only four parallels with the same characteristic ornaments. One was found in a peat-bog at Dronninglund in Denmark, and of the other three, two were found at Smjela in the neighborhood of Kiev, and the third was found near Odessa. This "Black-Sea ring" is said to have been found together with an ear-ring of gold, characteristic for the Black Sea region.

The neck-ring from Olbia is of very great importance, when we now are coming to the second object of our main interest - the well-known cauldron from Gundestrup in Denmark.

So much has been written about this mysterious silver vessel, that a bibliography is a publication of its own. The latest "official" Danish dating and opinion of the cauldron is the first century B.C., and that it was imported to Denmark.

About the import theory, it is interesting that an import must have an origin, and that almost all finds of cauldrons or remains of cauldrons of this type (and there are several 1) are made in Denmark, and none in the Celtic area. where they were supposed to have come from.

On the Gundestrup cauldron, whose contact with the Thracian culture is undisputable, there are several Celtic gods with neck-rings, and one of them, Cemunnos, also holds such a ring in his. The main question is if the cauldron was imported, or if it was a result of the Baltio culture. One of the rings on the cauldron is nearly identical to the ring from Olbia. A close study of this later ring in the Hermitage {Saint-Petersburg) gave information. that it also had the characteristic bull's-header-ornament, which, places it in close connection to the Havor-ring. and other gold hoards of mostly double-conical gods beads of true Nordic origin, and mostly, of Sotlandic "or- Olandic production. The reck-ring on the cauldron with its conical terminals is an extraordinarily important detail, putting it in connection with the five actual neck-rings and the goldsmith production centres within the Baltic culture.

Now, how old is this Nordic tradition of goldsmith's work and filigree-technique? Also here the Scotlandic finds can help us, namely *some* small gold objects with the typical "Havor-ornamentation", which are possible to date by find combinations, with the help of the very well investigated Gotvandig chronology, in the middle or second half of the first' century B.C. The breaking points for the discussion of dating and origin of the five rings and the cauldrons are two "new-finds, which were made while the discussion was going on. The first was a pot-shred, found at the Havor-excavation, many years later than the hoard with the situla, out only some meters from the spot, where the situla with the ring was found. Around the neck of the pot there was an ornament in

the shape of a ring of exactly the same type as Cemunnos is holding in his hand on the Gundestrup cauldron. This pot ornament is unique, and import from abroad is impossible. This is the first of the "break-ing finds".

The second find, and perhaps the most important one, was made by Ulf Erik Hagberg during an archaeological excavation at Bo in Bredsatra on Gland. In a cremation grave he found a big double-conical beads of gold in every detail of the filigree ornamentation and shape an almost exact miniature of the terminals of one of the Smjela rings (one of the five above-mentioned of "Havor-type"). and - what is most important - here we have a dating as excellent as possible, with two Augustean brooches, and also belt mounts of types, which are very well dated in the Gotlandic chronology the dating is around the birth of Christ. Moreover there were two other big beads with a certain pattern, that also is found on the earliest datable Gotlandic artefacts mentioned above, from the centuries B.C.

With this as a background I would like to propose, that the Havor-ring its four relatives, and also the Gundestrup cauldron and most of its relatives, were made within the Baltic culture around the birth of Christ. This certainly shows, very good communications in both directions between the north and the south, including the possibility of wandering craftsmen on the route between the Baltic and the Black-Sea and the Black-Sea regions around the birth of Christ and also earlier.

Teodora Tomasevič-Buck
DIE ALAMANNEN AM RHEINKNIE
GESCHICHTE

Auf seinem Weg zum Atlantik fließt der Rhein aus dem Bodensee nach Westen, wo er am Jurafuss bei Basel beim Abbiegen nach Norden ein Knie bildet. Der Fluss zieht bis zur Eroberung dieses Gebietes durch die Römer im 1. Jh. v. Chr. die natürliche ethnische Grenze zwischen den am linken Südufer des Rheins gesiedelten Kelten und den am rechten Nordufer gesiedelten Germanen. Im 1. Jh. n. Chr. verschiebt sich die römische Reichsgrenze nach Norden. Seit dem 3. Jh. sind Alamannen auch schriftlich überliefert. Vermehrt treten sie im 4. Jh. auf, als Söldner mit Gefolge in den Dienst Roms. Nach Abzug der Rheinarmee um 401 ist der Weg zur Landnahme frei. Chlodowig (482-511) gründet das alamannische Königsreich ALAMANNIA, welches jedoch nach einigen Jahrzehnten zerfällt

BEFUND

Die Siedlungen der Alamannen am Rheinknie sind kaum erforscht, ihre Anwesenheit bezeugen Gräberfelder mit reichen Grabfunden. 'Unsere' Alamannen befinden sich rechtsrheinisch, in Kleinhüningen, Basel (Gotterbarnweg, Schwarzwaldallee) und in Wyhlen-Herten gegenüber den Befestigungen am Münsterhügel (Basel) bzw. Castrum Rauracense (Kaiseraugst). Sie gehören zur Frühzeit, bevor sie sich mit den Franken 'verschmelzen'.

Die Alamannen von Kleinhüningen siedeln zwischen der Wiese und dem Rhein auf einer Niederterrasse des rechten Rheinuferes, Es wurde nur das Gräberfeld untersucht. Die dazugehörige Siedlung liegt, ohne dass sie archäologisch erfasst ist wahrscheinlich unter der gegenwärtigen Besiedlung.

Bis 1691 bestand auch eine Dorfsiedlung gleichen Namens auf dem gegenüberliegenden linken Flussufer. Bereits 828 ist eine HUNINGA VILLA urkundlich erwähnt, ohne Angabe über ihre Beziehung zu den beiden gleichnamigen Ufersiedlungen. Tatsache ist, dass die Erwähnung im Zusammenhang mit dem Basler Bischof erfolgt war. Das rechtsrheinische Gebiet gehörte zum Bistum Konstanz.

Aus dem Namen HUNO schließt man auf den Zuzug der Gründerfamilie um 420-440 aus dem ostgermanischen Raum. Die Belegung des Gräberfeldes setzt in der Mitte des 5. Jh. ein und dauert bis zum Beginn des 8. Jh.

Zur gleichen Zeit siedeln in der Umgebung weitere Neuzuzügler an den Gotterbarnweg. Seit dem letzten Jahrhundert wurden 360 Bestattungen freigelegt. Auch zwei Pferde wurden entdeckt. Zwar war der Zentralteil des Gräberfeldes teilweise zerstört, wobei viele Bestattungen in Mitleidenschaft gezogen wurden. Wahrscheinlich bestanden ursprünglich 600 -650 Bestattungen.

Bei den Belegungen des Gräberfeldes unterscheidet man drei Phasen.

1. ab 450
2. ab 520/40
3. ab Ende 6. Jh. bis Anfang 8. Jh.

Die erste Phase charakterisiert die Gruppenbildung in der Mitte des Gräberfeldes. Die Gruppierung lässt auf einen Weiler mit fünf Gehöften schließen. Neben östlichem Fundgut ist auch 'römischer' Import aus dem benachbarten, von Romanen besiedelten Gebiet nachgewiesen.

In der zweiten Phase findet eine Verlagerung statt. Der Süd- und Ostrand wird vernachlässigt. Der Westteil besteht weiter und weitet sich in der West- und Nordrichtung aus. Charakteristisch sind ferner Gruppenbildungen, auch mit Holzkammergräbern, umgeben von einfachen Bestattungen,

Bei der dritten Phase wird die Belegung im Zentrum fortgeführt, die Erweiterung geht nach Westen, Norden und Osten, Bezeichnend sind Steinplattengräber, in Trockenmauerwerk ausgeführt und an der Innenseite auf weißem Mörtel rot bemalt, wobei fränkische Einflüsse ablesbar sind.

Die Bestattungen im Gräberfeld Wyhlen-Herten gegenüber von Castrum Rauracense (Augusta Raurica) setzen früher ein als die beiden Bestattungen rheinabwärts in Kleinhüningen und Basel, bereits im ersten Drittel des 5. Jh.. Es sind etwa 350 Bestattungen gehoben worden von einer geschätzten Gesamtzahl von 450. Die Dauer der Belegung geht bis zum Ende des 7. Jh.. Die dazugehörige, aber nicht untersuchte Siedlung war schätzungsweise am Anfang des 5. Jh. als Hof/Weiler gegründet worden und von zwei bis drei Familien mit Gesinde besiedelt.

ZUSAMMENFASSUNG

Die drei frühen, rein alamannischen Friedhöfe am Rheinknie in Kleinhüningen, Basel und Wyhlen-Herten zeichnen auf, dass sich die entsprechenden Siedlungen vor den 'Toren' römischer Befestigungen in Basilia und Castrum Rauracense befunden haben, welche von Romanen bewohnt waren. Einflüsse aus dem Osten, Böhmen/Thüringen, sind besonders bei den Bestattungen der ersten Gründergeneration bemerkbar. Neben für die Rheingegend fremden Trachtenteilen und Gebrauchsgegenständen sind auch Pälle von Schädelverformung belegt sowie von Romanen importierte Ware.